

Добрый день, дорогие друзья!

Сегодня я бы хотела представить вам доклад, а проще – рассказать о том, каково сейчас живётся в системе образования, особенно если тебе повезло преподавать русский язык и литературу. Акцент будет на литературе, сразу уточню. Литература – это все-таки вид искусства. И раз он оказывается вписан в систему образования, то хочется понимать, а как вообще литература чувствует себя в контексте такой системы. С литературой, на мой взгляд, в этом отношении всё сложнее, чем с русским языком.

Мы все с вами примерно догадываемся, как в школе обстоят дела с литературой. Но я не стану говорить, кто виноват, скорее, это просто сейчас будет череда наблюдений, изложение накопившегося опыта. И я постараюсь предложить своё видение, что с этим делать. Ну то есть прощайте, Герцен, здравствуйте, Чернышевский.

Итак, вообще – кто я?

По образованию – филолог, по последним 3,5 годам жизни – преподаватель. 2,5 года я работала в колледже, вела русский язык, литературу, на более старших курсах – культуру речи и культуру делового общения. Чуть меньше года я отработала в школе, вела русский язык и литературу.

Вообще читать и вкапываться в прочитанное мне было интересно всегда, но вот что я запомнила из своих уроков литературы, если честно: очень много письменных заданий, анализов, таблиц и мало чтения, разговора. А ещё к моменту оконча-

ния 11-го класса и сдаче ЕГЭ для меня все авторы были больше фюлиантами на полках, очень важными, весомыми и часто тяжёлыми. Но вспомнить события из жизни авторов, чем вообще их судьбы различались, я бы не смогла. Образец всегда был примерно такой: родился – крестился – становился великим – женился (возможно) – умер. Всё. Очень всё чинно, рафинированно, со святой непогрешимостью. То есть авторы априори – эфемерные воздушные гении, которые различались длиной бород. Но то, что это были живые и очень сложные, абсолютные разные люди, жившие в очень разные и сложные времена, я из уроков литературы тогда не вынесла.

А потом, на 1-м курсе, я попала на лекцию одного автора. Сразу хочу сказать (прямо вот NOTABENE!), что к этому человеку надо относиться очень критично и осторожно. Потому что: 1. он огромный провокатор; 2. он очень убедительный провокатор. Это Дмитрий Львович Быков. Ещё раз уточню: это очень спорная и разносторонняя фигура. Особенно в филологических кругах. И я слышала в его адрес прямо противоположные точки зрения: от выражения любви и восторга до искреннего неприятия и раздражения. Но в этом человеке я увидела главное: это какое-то огненное, непомерное желание рассказать, как же всё-таки в литературе интересно. И любовь к литературе.

Я была на его лекции «Царскосельский лицей как образовательная утопия» в 2013 году в педагогическом университете. Я ждала скучного мероприятия, я

как бы и шла с таким посылом внутренне: актовый зал, выйдет костюмированный человек и начнёт монолог коротенько часов на 30. Но вышел очень своеобразный мужчина в штанах цвета «хаки», оранжевой футболке. И начал говорить. И вот тут я услышала, как можно говорить о литературе. Я просто прикипела к креслу. Настолько это было легко, без шуршания конспектов, живо, просто и увлекательно, с включением исторических фактов. То есть в его лекции были не образцово показательные сухие классики, а живые, знакомые люди, которые жили в своей эпохе и с которыми ты себя можешь сравнить. При этом напоминаю: Быков может слишком увлечься и провоцировать! Поэтому его слова нужно перепроверять.

Однозначно одно: когда уже у меня возникла перспектива пойти преподавать, я поняла, что хочу говорить о литературе только так. Я хочу говорить с детьми о сложных и мыслящих людях, читать, разбираться, пробовать с ними писать под Лермонтова или Хлебникова. Я не хотела им утверждать устоявшиеся тезисы, вроде: Пушкин – солнце, Катерина – луч. Я хотела, чтобы они спорили, чтобы они, читая тексты, находили в авторах схожие с собой черты, а в произведениях – ответы и подсказки для себя. А также просто красоту. И детям я всегда говорила, что литература в большинстве случаев написана о человеке и для человека. И через неё мы можем его понять, любить. Человек изживает через неё свою боль, любовь. А ещё может себя через текст собрать. В общем, мне казалось, что оно должно быть вот только так.

Когда я уже начала преподавать, пришлось свои идеи и наполеоновские планы соотносить с реальностью. Точнее, с реальностями: реальности колледжа и школы если не противоположные, то очень разные.

В колледже была большая свобода для формирования календарно-тематического плана, я могла его подстраивать под себя, менять произведения в программе, если считала это необходимым. В школе всё намного более жёстко подчинено программе (по понятным причинам). Ну и в целом ясно, что это две разные планеты. Но есть и общее:

1. На мой взгляд, перегруженность программы. Конечно, я не чиновник, издающий законопроекты, я исполнитель этого. И я видела, как и в колледже, и в школе приходилось катастрофически гнать программу. Тут 5 уроков на Тургенева, здесь – 5 на Булгакова, а «шестидесятников» мы вообще не успеем, потому что живой учебный процесс сильно отличается от плана (а в школе уроки ещё обязательно забьются ВПР, репетициями итоговых собеседований и так далее). Но вот этот весь комок текстов надо попытаться пройти. Поэтому в такой густой и насыщенной литературе, как русская, я считаю, намного эффективнее будет работать принцип «лучше меньше, да лучше». Если только у нас нет цели утопить детей в текстах.

2. Мало того, что перегруженность. Странное составление программы. Очень странное. Ну оно не учитывает реалии вообще. Предполагается, что все дети пришли на уроки с прочитанными текстами, разобранными непонятными словами и т.д. Осталось только понять, а в какой Вселенной так работает. Что в колледже, что в школе: обычно тексты произведений были прочитаны у 5–6 человек максимум. И при этом нет в планах уроков, которые бы просто предполагали чтение вслух, например. А это здорово. И, как выясняется, если детям давать чтение по ролям или пробовать что-то в духе театральных читок и включать их в это, им становится намного интереснее!

3. И вот, самое время начать махать руками и говорить: «Дети совсем не читают! Дети не берут в руки книги!» Но я делать так не буду. Хотя бы потому, что за время учёбы в университете и преподавания я сама чуть не возненавидела книги. И я хочу встать на защиту детей, особенно школьников: я посмотрела на их нагрузку и была в ужасе. Они 6 дней в неделю пропускают через свои головы такой дикий поток информации: делают уроки, готовятся к экзаменам, конкурсам, олимпиадам, проектам... И поэтому я прекрасно поняла их вопрос мне: «А зачем нам читать?». Они не хотят делать что-то бессмысленно, потому что им сказали. Они хотят в свои и без того перегруженные головы впустить то, что им действительно будет нужно.

Это была долгая предыстория в духе «кто виноват». Не обошлось без извечного русского вопроса. И может показаться, что время всё-таки умирать... Но нет.

Время жить и ещё раз жить. За 3,5 года работы с детьми возрастом от 11 лет до не детей 20 лет я поняла, насколько это крутое, ни с чем не сравнимое ощущение, когда ты говоришь с детьми, а они откладывают телефоны в стороны, потому что им стало интересно, они захотели спорить или задавать вопросы.

Что пробуждало в ребятах интерес:

1. Жизнь авторов. Только без хрестоматийного «родился-женился-умер». Рассказ об авторах – как о живых людях, с внешностью, привычками, достоинствами, недостатками, отношениями с другими людьми. Так ребята включатся эмоционально. А раз включатся эмоционально – точно запомнят. У меня так было, например, с Гоголем: ребята сразу вспоминали, что он боялся быть похороненным заживо. А потом ещё и вспоминали, что он обожал макароны с сыром, а находясь в гостях, периодически уходил в какую-нибудь комнату и засыпал. Или делал вид, что спит. Интересно же? А почему он так делал? А что за характер был? А как такой характер в произведениях отразился?

Я считаю, что нужно рассказывать о каких-то моральных дилеммах, даже спорных ситуациях, предлагая вопрос в духе: «А как бы вы поступили в подобной ситуации?». Таким образом, говоря с

детьми об авторах, мы в итоге начинали с ними говорить о них самих.

2. Фантазийные сочинения.

Особенно в колледже я это практиковала. Обычно я говорила, что мне нужно не сочинение, а сюжетная зарисовка. А темы были в духе:

«Вас вызвали на дуэль, ваши действия? Кто, когда, почему это сделал?»

Или после вводного урока о литературе – «Если бы вы могли выбрать время и место, где бы вы сейчас жили, чем бы занимались?»

Или на теме Серебряного века: «Кто вы в начале XX века?»

Или «Как бы сложилась жизнь Акакия Башмачкина, если бы его шинель не украли?»

Или просто давала строку из произведения, предлагая развить сюжет. Например: «Шёл я по улице незнакомой и вдруг услышал вороний грей...» – а дальше полная свобода. Да, бывали отписки на 3–4 строки. Но бывали и изумительные совершенные истории, сюжетные, драмы и триллеры, коллективные мини-рассказы.

3. Чтение вслух, особенно поэзии.

Я очень люблю читать вслух стихи. Для меня поэзия – в первую очередь звучащая речь. И на первых уроках я рассказывала детям, что не только они будут читать наизусть, я буду читать тоже, чтобы всё было по-честному. В первые прочтения мне было страшновато, но я даже не ожидала, что от ребят будет такой отклик. Я читала им любимые свои стихи: Пастернака, Бродского, Рыжего, Тарковского, Лорку.

4. Читки по ролям.

Для старших классов прямо инсценировка не очень сработает, я думаю. Поэтому, когда мы доходили до драматических произведений, устраивали читки пьес. Если в пьесе были говорящие фамилии, я спрашивала, кто-то сейчас себя чувствует, как Скотинин, например, или Сквозник-Дмухановский. Если нет, то смотрели на список действующих лиц, характеристику и там выбирали. А дальше – кто какой потенциал в себе ощущает. Некоторые очень талантливые ребята (для большего погружения в атмосферу) были кустами, столами, стульями. Поэтому что органично стоять и качать ветками – это тоже очень серьёзная работа.

5. Очень много заданий я давала на работу с героями, образами. Ребята готовили характеристику внешности, психологический портрет, но к этому ещё добавлялись вопросы в духе: понравился герой или нет (с необходимым абсолютно честным ответом – ну что делать, если не нравится какой-нибудь Раскольников, например), что находишь в себе с ним схожего, что различается. То есть опять – мои ощущения, чувства – мерило. Почувствовал ли я что-то, понравилось ли? То есть снова – говоря о героях, мы здесь даём ребятам возможность примерить это на себя и заговорить о себе.

6. Когда начинали разбирать автора, который уже встречался, это всегда было ассоциативное солнце. В центре доски была написана фамилия писателя/поэта, а дальше ребята начинали накидывать ассоциации, с ним связанные. И из собранных слов мы смотрели, какой у нас вообще портрет возникал.

7. Обсуждение деталей в произведении (обед Чичикова – ребята искали рецепты того, что он ел. Самое ужасное – что мы всё это читали перед походом в столовую и были дико голодными).

8. Во время изучения Чехова было задание – придумать себе псевдоним.

9. Во время изучения Серебряного века ребята устроили поэтический футуристический баттл (как раз рэп-баттлы тогда были в ходу). Пробовали писать бессмысленные произведения в духе зауми Алексея Кручёных.

А что же в итоге?

Литература – это искусство. Искусство – явление почти всегда очень субъективное. Я считаю, что это то, что должно обязательно отзываться в сердце, может быть, даже устраивать внутреннюю бурю. А если говорить о детях, хоть какого возраста, то им должно быть, в первую очередь, интересно.

И раз этот вид искусства оказался в школьной программе, ну не должен он высыхать, становиться рафинированным и безжизненным.

Но я, поработав и в колледже, и в школе, поняла: уроки можно оживить. Главное – дети к этому готовы, они откликаются! И поэтому уроки литературы точно могут стать временем жить.